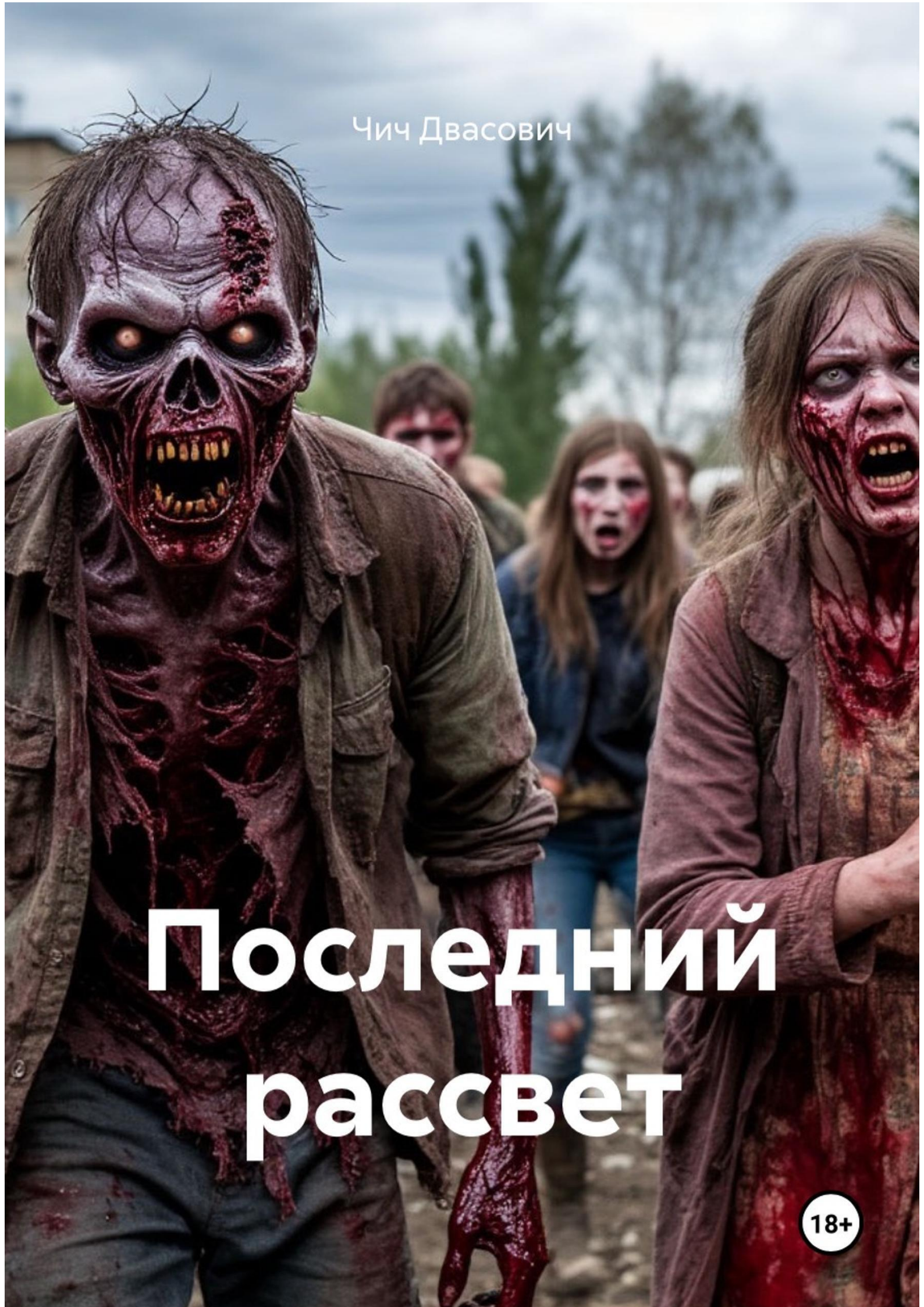

A movie poster for 'The Last Dawn' (Последний рассвет) by Chich Dvasovich. The image depicts a group of zombies in a rural setting. In the foreground, a male zombie with a grotesque, skeletal face and glowing orange eyes is shown in a menacing pose. To his right, a female zombie with bloodied hair and a screaming expression is visible. In the background, other zombies are seen, including a young man with blood on his face and a young woman with a shocked expression. The overall tone is dark and horror-themed.

Чич Двасович

Последний рассвет

18+

Чич Двасович

Последний рассвет

«Автор»

2026

Двасович Ч.

Последний рассвет / Ч. Двасович — «Автор», 2026

«Последний рассвет» — это история о конце мира и о любви, которая рождается вопреки всему. Вирус «Гелиос-9» уничтожил человечество за три дня. Города опустели, улицы наполнились тишиной и шёпотом тех, кто уже не человек, но ещё не зверь. Среди руин выживает Максим Волков — бывший военный медик, потерявший семью и смысл. Его единственная цель — добраться до бункера «Заря», где, по слухам, спрятана вакцина. В пути к нему присоединяются пятнадцатилетняя Кира, заменившая ему дочь, и отряд выживших: бывший заключённый Гром, сломленный потерей сестры Дима, учительница, ставшая снайпером, Лена, и вирусолог Вера, которая знает правду о происхождении вируса. Между Максом и Леной вспыхивает чувство — осторожное, недоверчивое, но настоящее. Оно даёт им силы идти вперёд, когда надежды почти не осталось. Но правда оказывается страшнее монстров: вакцина существует, однако её можно активировать только кровью иммунного носителя. И этот носитель — Макс.

© Двасович Ч., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Чич Двасович

Последний рассвет

Глава

ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ

Книга в 4 частях

Роман о зомби-апокалипсисе, любви и жертве

ЧАСТЬ I. ПАДЕНИЕ

ГЛАВА 1. ТИШИНА

День 47-й после Падения

Дождь шёл четвёртые сутки.

Макс сидел на краю крыши шестнадцатэтажки, свесив ноги в пустоту, и смотрел, как вода стекает по бетону вниз — туда, где когда-то был город. Сейчас там был только серый лабиринт из мёртвых машин, рухнувших балконов и тишины. Такой тишины, от которой закладывало уши.

Он уже привык. За сорок семь дней привыкаешь ко всему.

В кармане куртки лежала последняя сигарета — мятая, отсыревшая. Макс не курил семь лет. Бросил, когда родилась дочь. Теперь дочери не было. Как и жены. Как и города. Как и почти всего.

Он достал сигарету, повертел в пальцах и убрал обратно. Не сегодня.

— Макс.

Голос из рации — тихий, девчачий, с хрипотцой.

— Я на месте. Чисто.

Он поднёс рацию к губам.

— Сколько?

— Три. Может, четыре. Прячутся в автобусе у перекрёстка.

Макс закрыл глаза. Три-четыре. Немного. Но за последние два месяца он усвоил одну простую вещь: «немного» — это всегда ловушка. Первые всегда приманка. Настоящая стая приходит потом.

— Не подходи, — сказал он. — Жди меня.

— Я и не собиралась.

Он услышал в её голосе улыбку. Кира всегда улыбалась, даже когда не стоило. Особенно когда не стоило. Ей было пятнадцать, и она потеряла брата на третий день Падения. С тех пор Макс почему-то не мог её бросить — хотя бросал людей и раньше. Всех. Так было проще.

Он поднялся, размял затёкшую ногу и пошёл к лестнице.

Внутри дома пахло сыростью и чем-то сладковатым — тем самым запахом, который ни с чем не спутаешь. Макс шёл по лестнице, держа автомат у бедра, и считал этажи. На седьмом остановился.

Прислушался.

Снизу — шорох. Медленный, влажный. Кто-то волочил ногу. Один. Отставший от стаи или просто бродячий.

Макс прислонился к стене, пропуская его. Через минуту в проёме лестничной клетки показалось существо: бывший мужчина в рваном пиджаке, с вывернутой шеей и лицом, покрытым серой коркой. Оно не заметило Макса. Оно вообще ничего не замечало — просто шло вперёд, к свету из разбитого окна.

Макс поднял автомат. Потом опустил.

Патроны. Всегда патроны. Он достал нож.

Одно движение — и существо осело на пол, дёрнулось и затихло. Макс вытер лезвие о его пиджак и пошёл дальше. На третьем этаже он вышел через подъезд.

Кира ждала его за перевёрнутым фургоном «Почты России» — маленькая фигурка в огромной мужской куртке, с биноклем на шее и рюкзаком, который был почти с неё ростом.

— Ты опоздал на шесть минут, — сказала она без упрёка, просто констатируя факт.

— Задержался. Поздоровайся с дядей в пиджаке.

— Фу.

Она поморщилась, но в глазах мелькнуло что-то тёплое. Страх, который они оба научились прятать за шутками. Так было легче.

— Показывай, — сказал Макс.

Кира протянула ему бинокль. Он присел, выглянул из-за фургона.

Автобус стоял метрах в сорока, наискось перегородив перекрёсток. Двери открыты. Внутри — движение. Медленное, бессмысленное. Трое. Может, четверо.

— И что дальше? — спросила Кира. — Обходим?

Макс молчал. Что-то было не так. Он смотрел не на автобус, а вокруг него. На асфальт. На тротуар. На разбитую витрину магазина справа.

— Смотри, — сказал он тихо. — Следы.

Кира прищурилась.

— Ну, следы. Их же полно.

— Не эти. Вон те. — Он показал пальцем. — От автобуса к магазину. Свежие. Дождь шёл четыре дня, а они не размыты.

Кира замолчала. Потом тихо:

— Значит, кто-то ходил. Недавно.

— Кто-то живой, — поправил Макс. — И он оставил приманку.

Он поднялся.

— Уходим. Сейчас.

— А если там люди? — Кира вцепилась в его рукав. — Вдруг им нужна помощь?

Макс посмотрел на неё. На её лицо — грязное, худое, но всё ещё детское. На глаза, в которых ещё не умерла надежда. Он знал, что однажды эта надежда её убьёт. И знал, что не сможет её отнять.

— Если там люди, — сказал он, — они выйдут сами. Пошли.

Они двинулись вдоль стены, пригнувшись. Макс шёл первым, Кира — за ним, держась за его ремень. Так они ходили уже месяц. Так было безопаснее.

Они почти дошли до угла, когда Кира остановилась.

— Макс.

— Что?

— Смотри.

Она смотрела не вперёд. Она смотрела вверх.

На балконе третьего этажа, прямо над ними, стояла девочка. Лет десяти. В белом платье, испачканном кровью. Она смотрела на них — и не двигалась. Не тянула руки. Не издавала звуков. Просто смотрела.

Макс замер.

— Не двигайся, — прошептал он.

— Она... — Кира сглотнула. — Она же... живая?

Девочка наклонила голову. Медленно. Как птица.

А потом улыбнулась.

Макс почувствовал, как по спине прошёл холод. Потому что он знал эту улыбку. Знал эти глаза. Он видел их раньше — в первые дни, в госпитале, когда вирус только начинал распространяться. Тогда врачи говорили: «Это новая стадия. Они учатся».

Он схватил Киру за руку и рванул назад.

— Бежим!

За спиной раздался звук — не крик, не рычание. Свист. Такой, будто кто-то звал собаку.

И из магазина, из автобуса, из-за угла — со всех сторон — начали выходить они. Медленно. Спокойно. Как будто ждали.

Как будто знали.

Они бежали три квартала. Не оглядываясь. Макс тащил Киру за собой, сворачивал в переулки, прыгал через остовы машин. За ними — топот. Ровный, уверенный. Стая шла за ними не спеша.

У разрушенного кинотеатра они нырнули в подвал. Макс задвинул дверь железным шкафом. В темноте они оба замерли, пытаясь не дышать.

Кира дрожала. Макс обнял её за плечи.

— Тихо. Тихо, маленькая.

— Что это было? — прошептала она. — Они же не такие. Они не...

— Знаю.

Он прислонился затылком к холодной стене.

— Они изменились. За последнюю неделю. Ты заметила?

Кира кивнула. Потом, помолчав:

— Это конец, да? Нам конец?

Макс долго молчал.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Но мы ещё живы.

Он достал из кармана ту самую сигарету. Мятую, отсыревшую. Посмотрел на неё. Потом убрал обратно.

— Завтра пойдём на север. Там бункер. «Заря». Говорят, там вакцина.

— А если врут?

— Тогда хотя бы проверим.

Он закрыл глаза.

Где-то наверху дождь всё ещё шёл. Где-то далеко — за кварталами, за городом, за горизонтом — был рассвет. Макс не видел его. Но он знал, что тот придёт.

Он всегда приходил.

Даже если его некому было встретить.

ГЛАВА 2. ГОСТИ

День 48-й после Падения

Ночь в подвале тянулась медленно.

Макс не спал. Он сидел у стены, положив автомат на колени, и слушал. Кира спала рядом, свернувшись калачиком на его куртке, положив голову ему на бедро. Она дышала ровно, иногда вздрагивала во сне. Ей снилось что-то плохое. Ему тоже.

Сверху, сквозь толщу бетона, доносились звуки. Шаги. Медленные, тяжёлые. Стая не ушла. Она ходила над ними всю ночь — туда-сюда, туда-сюда. Как часовые.

Это было хуже всего.

Раньше они не умели ждать. Раньше они бросались на всё, что двигалось, и умирали от первой же пули. А теперь... Теперь они стояли наверху и *ждали*. Ждали, когда добыча выйдет сама.

Макс проверил магазин. Двенадцать патронов. Ещё два магазина в рюкзаке — двадцать четыре. Итого тридцать шесть. Против стаи в двадцать, а может, тридцать голов.

Он усмехнулся в темноте. Хорошие шансы. Для самоубийцы.

Кира заворочалась, открыла глаза.

— Они всё ещё там? — прошептала она.

— Да.

— Сколько времени?

— Пять утра. Скоро рассвет.

Она села, протёрла лицо ладонями. В слабом свете, пробивавшемся через щель в двери, Макс увидел, какая она бледная. Худая. Голодная. Последний раз они ели нормально четыре дня назад — консервы из разбитого магазина. С тех пор — только вода и сухари.

— Макс, — сказала она тихо. — Я хочу тебя спросить.

— Спрашивай.

— Почему ты меня не бросил?

Он посмотрел на неё.

— С чего ты взяла, что я думал об этом?

— Все думают, — она пожала плечами. — Я бы на твоём месте бросила. Я медленная. Я слабая. Я ем больше, чем приношу. Я...

— Кира.

Она замолчала.

— Заткнись, — сказал он мягко. — Ты не обуза. Ты глаза. Ты уши. Ты нашла тот склад с патронами на прошлой неделе. Ты заметила ту девочку на балконе.

— И мы из-за этого чуть не умерли.

— Мы из-за этого *живы*. Если бы мы пошли в автобус — были бы уже мертвы.

Кира помолчала. Потом тихо:

— Спасибо.

— Не благодари. Просто не умирай. Это всё, о чём я прошу.

Она улыбнулась — той самой улыбкой, которая бесила и грела одновременно.

— Договорились.

Они вышли на рассвете.

Макс открыл дверь, держа нож наготове. Лестница была пуста. Он поднялся первым, Кира — за ним, ступая точно в его следы. Наверху, в разрушенном фойе кинотеатра, пахло пылью и старым попкорном.

Стаи не было. Ушли.

— Почему они ушли? — прошептала Кира.

— Не знаю, — Макс нахмурился. — Может, нашли кого-то другого.

Он выглянул через разбитое окно. Улица была пуста. Ни машин, ни тел, ни движения. Только дождь — мелкий, морсящий — и серое небо.

— Идём, — сказал он. — У нас мало времени.

— Куда?

— На север. Через мост. Потом по трассе до «Зари».

— Это далеко?

— Двести километров.

Кира присвистнула.

— Пешком?

— Пешком.

— Круто.

Макс посмотрел на неё.

— Ты ненормальная.

— Я знаю.

Они шли вдоль железнодорожных путей — так было безопаснее. Рельсы уходили на север, прямо к мосту через реку. Макс помнил эту дорогу: раньше здесь ходила электричка, и он ездил по ней на работу. Тогда казалось, что это далеко. Теперь это было далеко по-настоящему.

Через час они наткнулись на первый труп.

Не зомби. Человек. Мужчина, лет сорока, лежал лицом вниз у насыпи. В затылке — дырка. Рядом — пустая гильза.

— Самоубийство? — спросила Кира, отводя взгляд.

Макс присел, осмотрел тело. Перевернул. У мужчины была борода, чистая рубашка, часы на руке — дорогие, уцелевшие. В кармане — фотография: женщина и двое детей.

— Нет, — сказал Макс. — Его убили.

— Почему ты так решил?

— Самоубийцы не стреляют себе в затылок. И не убирают оружие после.

Он осмотрелся. Пистолета нигде не было. Зато в траве, метрах в десяти, он заметил след — отпечаток ботинка. Большой. Свежий.

— Кто-то забрал ствол, — сказал он тихо. — И ушёл.

Кира сглотнула.

— Значит, здесь есть люди.

— Здесь есть *охотники*, — поправил Макс. — Это хуже.

Он поднялся и, не оглядываясь, пошёл дальше. Кира догнала его, схватила за руку.

— Подожди. Мы что, просто уйдём?

— А что ты предлагаешь? Похоронить его?

— Нет, но...

— Кира. — Он остановился, повернулся к ней. — Если мы начнём хоронить всех, кого встретим, мы не дойдём до моста. Понимаешь?

Она молчала.

— Я знаю, что это жестоко, — сказал он мягче. — Но у нас нет выбора. Мы не спасаем мир. Мы просто пытаемся выжить. Это разные вещи.

Кира кивнула. Медленно. Потом отпустила его руку.

— Хорошо.

Они пошли дальше.

К полудню они добрались до моста.

Он был длинный — метров триста — и когда-то красивы: стальные фермы, бетонные опоры, фонари вдоль перил. Сейчас он выглядел как скелет: половина ферм обрушилась, фонари погасли, на асфальте — трещины и брошенные машины.

Но главное — на мосту были люди.

Макс увидел их издалека. Трое. Двое мужчин и женщина. Они стояли у баррикады из мешков с песком и смотрели в их сторону. У одного — винтовка. У другого — дробовик. У женщины — пистолет.

— Назад, — прошептал Макс, хватая Киру за плечо.

— Они нас видят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.